Роберт Ритчер

Невыдуманные рассказы

Два поэта

Общественная Академия наук российских немцев взялась за издание капитального труда – трёх или даже четырёхтомной энциклопедии «Немцы России». Три тома вышли, четвёртый грядёт. К сожалению, по обилию статей о генералах энциклопедия здорово смахивает на издание германского генштаба. О людях попроще она сообщает значительно скромнее. Не нашёл я, например, даже маленькой статейки о поэте Александре Вюртце, хотя, с моей точки зрения, он её заслуживает (правда, есть надежда на четвёртый том).

Александр Вюртц родился в 1884-ом году в колонии Бальцер в семье торговца, выходца из соседнего Денгофа.

С детства проявлявший недурные способности, он отлично учился в школе, потом с отличием окончил Центральное училище в Гримме, Саратовскую гимназию № 1 и поступил в Московский университет на историко-филологический факультет. Окончив его, он работал журналистом, редактором газеты. После октябрьского переворота 1917-го года он немало лет проработал учителем в школе, потом преподавателем в нескольких институтах.

Последняя его должность – декан факультета иностранных языков в Свердловском педагогическом институте. Здесь в 1941-ом году, незадолго до начала войны, Вюртц был арестован, осуждён по 58-ой статье и отправлен в Мариинский лагерь, где в 1943-ем году он умер, точнее сказать – погиб. (Когда я сделал попытку в Екатеринбурге ознакомиться с его делом, вдруг оказалось, что таковое не сохранилось).

Александр Вюртц был немецкоязычным поэтом, печатался под псевдонимом Alexander Wolgaer. Его стихи печатались в различных изданиях Республики немцев Поволжья, в московской «Deutsche Zentralzeitung».

Он довольно часто навещал родные края, и после каждой такой поездки рождались стихи: «Meide Schulden» («Избегай долгов») – в 1924-ом году, «Der Regen» («Дождь») – в 1928-ом, «Die Sonne siegt doch» («Солнце победит») – в 1929-ом, «Liebe Kinderheit» («Милое детство») – в1934-ом. Приезжал он и в страшном 1933-ем году, когда в Бальцерском кантоне вымерла чуть ли не половина населения. Потрясённый Вюртц написал стихотворение «Der Hunger» («Голод») и точно обозначил время и место: 17 июня 1933-го года, село Денгоф.

Дважды в Поволжье его за что-то арестовывали: в апреле 1929-го года – в Бальцере, в 1932-ом году – в Саратове; оба эти случая породили стихи: «Aus dem Gefaengnis» («Из тюрьмы) и «Verhaftung» («Арест»).

Когда я прочитал о его аресте в Бальцере, мне стало как-то не по себе: ведь начальником кантонной милиции тогда был мой отец. За что могли арестовать, теперь, конечно, не узнаешь; пытаясь сделать это, я вчитывался в текст стихотворения «Aus dem Gefaengnis», но ничего, кроме факта помещения в тюрьму и эмоционального состояния автора, почерпнуть из него не мог. А, может быть, это и вообще не милиция сделала, а Тиде, тогдашний кантонный уполномоченный ОГПУ? Может быть, это он заподозрил в хорошо одетом, явно не здешнего вида Вюртце какого-нибудь агитатора против начавшейся уже коллективизации крестьян? Не исключено.

В тот приезд Вюртца на родину 1-го апреля разразилась сильная метель, Вюртц был в это время у родственников в Денгофе, всё видел воочию и написал по этому поводу небольшое стихотворение. Думаю, что больше для развлечения родни, чем для печати, то самое «Die Sonne siegt doch».

Zum 1. April 1929

Es ruttelt an Laden und Fenster
Der grimmige tasende Sturm,
Als seien es Hollengespenster
Im naechtlich veroedeten Turm.
Es wirbelt den Schne' wie besessen,
Baut auf ihn zu schanzen gar hoch,
Als habe das Wort er vergessen:
Die Sonne wird siegen bald doch!

Es waget sich niemand ins Freie:
Man sieht vor sich kaum zwei-drei Schritt;
Wagt einer es dennoch - schon Reue
Empfindet er beim ersten Schritt:
«Herjammer, ich bin ja verloren
Wie komme zurueck ich danoch?
Noch nie wass so, seit ich geboren»!
Und wenn auch – die Sonne siegt doch!

Я попытался перевести стихотворение на русский язык, хотя после пушкинского «Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя…» и так далее, слова приходили на язык с трудом; но всё-таки, как мог, я довёл дело до конца. Вот что из этого получилось:

Под ставнями стёкла забило,
Чердак привиденьями полн,
На улицах нагромоздило

Сугробов, трамплинов и волн.
А вьюга всё яростней воет
И вётлам ломает хребет.
Но верю: она не закроет
Навеки от нас солнца свет!

Никто добровольно не сможет
Решиться на гибельный путь.
Рискнёт – так застонет: «О Боже!
Зачем ты позволил рискнуть!?
Такого не видел я сроду:
Всё воет, ревёт и гудит!»
Но нет – не навек непогода
И солнце опять победит!

О смерти Александра Вюртца поведал отбывавший с ним срок в Мариинском лагере Гюнтер Тюрк, тоже учитель и поэт, человек нелёгкой судьбы. Не знаю, удостоится ли он статьи в 4-ом томе энциклопедии «Немцы России».

Гюнтер Густавович Тюрк родился 1-го января 1911-года в семье московского врача, впоследствии репрессированного и погибшего в Соловецких лагерях. Окончил среднюю трудовую школу-девятилетку (с электротехническим уклоном). Его старший брат, выпускник Московского университета, ударился в толстовство и увлёк за собой Гюнтера. Он тоже стал членом толстовского Вегетарианского общества.

Советская власть к толстовцам относилась с подозрением и даже с неприязнью, старалась их где возможно ущемить, и только имя покойного классика какое-то время спасало их от разгона. Но недолго. В 1931-ом году подмосковной толстовской коммуне «Жизнь и труд», членами которой были братья Тюрки, было предложено или прекратить деятельность, или переехать в Сибирь, под Новокузнецк. Там им обещали выделить участок земли. Они предпочли последнее.

Здесь Гюнтер Тюрк сначала занимался чисто крестьянским трудом, потом стал учителем в школе. В 1936-ом году против членов коммуны начались репрессии, многих арестовали, в том числе и его. С 1937-го по 1940-ой год он просидел в Кузнецкой тюрьме, а затем был отправлен в Мариинский лагерь, где провёл 8 лет. После освобождения из лагеря Г. Тюрка как немца по национальности отправили отбывать ссылку в город Бийск Алтайского края. Здоровье его было подорвано, и в марте 1950-го года, не дожив и до сорока лет, он скончался.

Стихи он сочинял и до ареста, и в тюрьме, и в лагере, и в ссылке, но опубликованы были лишь два из них – в сборнике «Воспоминания крестьян-толстовцев». Только в Кузнецкой тюрьме он сочинил около ста стихотворений; многие из них сохранились лишь благодаря его сокамерникам, которые заучили их наизусть и впоследствии записали.

Жизнь разбита. Раны застарели,
Затянулись тусклой синевой.
Только вздрогну от весенней трели
И опять лежу, как неживой.

Только всё ещё надеюсь (где я
Наслыхался всякой ерунды?)
Повстречать такого чародея,
Что мне даст попить живой воды.

Вспыхнут щёки молодо и гневно,
Позабудет сердце про тюрьму.
И очнётся спящая царевна,
Запоёт в высоком терему.

Запоёт так нежно и так внятно,
Как в давно забытые года.
Заиграют солнечные пятна,
Зажурчит подснежная вода.

Вырастут невидимые крылья,
И тогда взлечу я наяву,
И открою всем, что прежде скрыл я,
И себя Поэтом назову.

Как вы растравляете, моменты
Грёз, от пробужденья до гудка.
Но за дело. Ждут нас инструменты
Творчества – лопата и кирка.

* * *

За решёткой окна, за высоким забором,
Над невзрачными пятнами сереньких крыш –
Бесконечный простор перед жаждущим взором
И в тоске необъятной вечерняя тишь.

Отвернусь, отойду и, в страдании сгорбив
Плечи, не зарыдаю, и вновь подойду.
И паду на лицо в помрачительной скорби.
Так Учитель скорбел в Гефсиманском саду.

Мир! Прощай навсегда. Ухожу без возврата.
Надышаться б взахлёб этой жизни земной!
Насмотреться б на это сиянье заката!
Что ж так рано, Отец, посылаешь за мной?

Что же Ты отдаёшь меня на поруганье,
На глумленье привратникам небытия?
Пронеси эту чашу! Я без содроганья
Не могу её видеть!
Но воля
Т в о я…

Перебежчик

Это очередной рассказ о судьбе ещё одного уроженца немецкого Поволжья. Его имя – Генрих (Андрей Константинович) Альберт. Он родился в 1886-ом году в селе Орловское – это километрах в десяти выше Екатериненштадта, нынешнего Маркса.

Он рано, с 10-ти лет, начал зарабатывать свой хлеб: сначала на побегушках у местного «мелкого буржуа», потом кочегаром на пароходе, слесарем в ремонтных мастерских Самарского затона (порта). Там же, в Самаре, в 1906-ом году он стал членом социал-демократической партии. Два года служил он в армии на Дальнем Востоке. После демобилизации обосновался он в Саратове, устроился на «интеллигентную», неплохо оплачиваемую должность – монтёром весов в пробирной палате. С началом 1-ой мировой войны в 1914-ом году Альберт был призван в армию и отправлен на Западный фронт. Потом его, как и многих других немцев, перевели на фронт Турецкий, на Кавказ.

В 1917-ом году он из армии дезертировал и объявился в Самаре. Тут он включился в агитационную кампанию против Временного правительства, развёрнутую большевиками, и был избран в Совет рабочих депутатов Самаро-Сызранской железной дороги.

После октябрьского переворота Альберт сразу попал во властные структуры, сначала в Самаре (комиссар Самарского горсовета, комиссар при уполномоченном ВЦИК, председатель губернского лесного комитета, председатель губернской ЧК), а с 1921-го года – в Москве, в ВЧК. Как и большинству работников этой организации, ему пришлось сменить много должностей, причём значительная часть из них была связана с лесным хозяйством. Здесь нет противоречия: с самого начала функционирования пенитенциарной системы в советской России лесозаготовки стали уделом заключённых, а Наркомат лесной промышленности по сути был лишь филиалом ГПУ–ОГПУ-НКВД. В своей карьере он достиг очень высокого поста – заместителя наркома лесной промышленности, правда, через три года, в 1935-ом, был понижен до начальника Главка – тоже неплохо.

В 1937-ом голу Альберт был арестован, обвинён, как тогда было принято, в троцкизме и помещён в тюрьму НКВД. В 1939-ом году, когда наркомом НКВД стал Берия, пошёл процесс освобождения части заключённых. Освобождён при этом из тюрьмы был и Альберт и опять направлен в Наркомлес.

Как известно, в том же 1939-ом году между СССР и Германией было заключено торговое соглашение, по которому Советский Союз обязался поставить Германии массу материалов, в том числе и стратегических. Среди них было и огромное количество лесоматериалов. Начался обмен делегациями для реализации достигнутых соглашений. В одну из таких делегаций, отправлявшихся в Германию, был включен и А.К. Альберт как ответственный работник Наркомлеса.

В Берлине он сбежал.

Сбежал и обратился к немецким властям с просьбой о политическом убежище. Громко афишировать это дело не стала ни та, ни другая сторона. Рой Медведев излагает эту историю немного по-другому: «Когда в августе 1939-го года в Советский Союз приехал Риббентроп, Альбрехт (так он его почему-то назвал), вбежав в немецкое посольство, попросил политического убежища. Сталин разрешил Риббентропу увезти Альбрехта в Германию». Хрен редьки не слаще.

Альберт получил должность политического советника в Министерстве иностранных дел Германии. Известно, что он принимал участие в допросах генералов Красной армии, попавших в германский плен. Известно также, что в Германии он написал две книги – «Бутырская тюрьма. Камера 99» и «Революция, которую предали». По свидетельству Л. Копелева, во время войны служившего в подразделении контрпропаганды, эти книги были в каждой роте вермахта.

* * *

Летом 1942-го года в плен немецкому командованию добровольно сдался командующий 2-ой ударной армией генерал-лейтенант А.А. Власов. Сегодня в печати и по телевидению можно встретить статьи и передачи, авторы которых пытаются найти оправдание этому поступку генерала то в особых обстоятельствах, то в каких-то никем не понятых тайных замыслах, то в ненависти к советской власти. Начало этому положил ещё Солженицын в книге «Архипелаг Гулаг». Я примыкать к ним не буду. Предательство мерзко по своей сути, а предательство генерала во время войны – мерзко в десятой степени. Но здесь речь не об этом.

В домашней библиотеке есть давно прочитанный и поставленный во второй ряд на самую верхнюю полку роман советского писателя Аркадия Васильева «В час дня, ваше превосходительство». Он написан по материалам, полученным автором от бывшего советского разведчика, в 1942-ом году внедрённого в окружение Власова в Германии. Книга эта – до предела идеологизированная и лживая. Однако, как говорится в одном старом анекдоте, курица и в дерьме находит золото. Нашёл и я.

Итак, Власов сдаётся в плен одной из частей Вермахта. К нему – читаем мы в книге – приставляют в качестве переводчика (и для надзора) офицера СС по фамилии Штрикфельдт, хорошо говорящего по-русски (в действительности это был бывший российский гражданин из остзейских дворян, белоэмигрант; настоящая фамилия его была Штрик-Штрикфельдт, он служил в отделе пропаганды сухопутных войск Германии, имел звание капитана Вермахта, а не СС).

Штрикфельдт привозит Власова в Винницу, где тогда находилась ставка Гитлера. Из высших чинов Германии им никто не интересуется, он то нервничает, то скучает. Штрикфельдт его по-всякому развлекает. Однажды он говорит Власову:

— Сегодня у нас деловое свидание.

Цитата из книги:

«В ту комнату, где он сидел, капитан ввёл немца в штатском. Без всякой торжественности, без фашистского приветствия штатский деловито отрекомендовался:

— Генрих Хильгер, советник министерства иностранных дел…»

И этот Хильгер начинает разговор с Власовым, методично задаёт ему вопрос за вопросом, стараясь выпытать из генерала-изменника, что же всё-таки заставило его, командующего армией, добровольно сдаться в плен.

Здесь самое время сделать отступление и отметить, что Власов, вопреки сведениям из цитируемой книги и вообще тому, что говорили о нём в СССР, не был какой-то неизвестной фигурой, умудрившейся «пролезть» в генералы.

В Красной армии он с 1919-го года, в гражданскую войну был командиром роты, остался в кадрах. В 1928-ом году окончил курсы «Выстрел», был направлен на штабную работу. В 1938-ом году он был назначен командиром полка, потом послан военным советником в Китай. По возвращении из Китая Власова назначили командиром дивизии. В 1940-ом году его 99-я дивизия была признана лучшей во всей Красной армии, ей торжественно было вручено Красное знамя, а командир её не только получил звание генерал-майора, но и награждён был орденом Ленина.

В июне 1941-го года Власов – командир корпуса на Украине. Нападение немцев не застало его врасплох: все отступали, а он организовал контрудар, отбил у немцев захваченный ими Перемышль и 6 дней удерживал его. Его назначили командующим 37-ой армией, и её он сумел вывести из окружения в значительно большем порядке, чем другие.

С ноября 1941-го года Власов – командующий 20-ой армией, стоящей в обороне Москвы. После разгрома немцев под Москвой, 12 декабря, диктор радио Левитан торжественным голосом читал сводку Совинформбюро, в которой были названы фамилии генералов, обеспечивших победу: Жуков, Лелюшенко, Кузнецов, Власов, Рокоссовский. И даже портреты этих генералов, вопреки обыкновению, развешаны были по всей Москве.

После московского сражения Власов – заместитель командующего Волховским фронтом. В марте 1942-го года ему приказано было принять 2-ю ударную армию, находившуюся в крайне тяжёлом положении, без боеприпасов, тонущую в болотах, практически полностью окружённую противником.

12-го июля генерал-лейтенант Власов сдался в плен.

Надо полагать, что биография Власова не была тайной для немецкого командования. И именно она, его биография, шла в явное противоречие с тем, что он совершил; и всё это, естественно, вызывало и удивление, и сомнение, и желание в этом деле основательно разобраться.

Хильгер задаёт Власову вопрос за вопросом, и по этим его вопросам нетрудно понять, что он обладает далеко не поверхностными знаниями не только о военном положении, но и многом другом, касающемся жизни в СССР, вплоть до мелких её деталей и подробностей.

И пришла мысль: да это же наш старый знакомый Генрих Альберт, бывший чекистско-лесной деятель! Тот ведь тоже получил должность политического советника в МИДе Германии, как и книжный Хильгер. Власов говорит ему:

— Вы отлично говорите по-русски, господин советник.

— Я долго жил в Москве. Был советником в нашем посольстве.

Тут можно понять автора, советского писателя Аркадия Васильева: ну не мог же он ввести в действие ещё одного перебежчика, это станет похоже на систему, и тогда волей-неволей придётся объяснять причину этого. А как членораздельно объяснишь причину бегства того же Альберта? Ни социальным происхождением, ни положением в дореволюционной России, ни политическими взглядами это объяснить невозможно. А другие причины нашими ортодоксами не признавались. Так что лучше было сказать глупость вроде такой, что дипломата сначала направили в страну, а потом он научился её языку, и научился в совершенстве.

Надо сказать, что Хильгер в книге Васильева действует только в этой сцене; ни до неё, ни после он не появляется. Ну что ж, мавр сделал своё дело: как человек, разбирающийся в людях, к тому же знающий толк в допросах, он выполнил то, что ему поручили – по всяким мелким деталям в ответах Власова определить, насколько он откровенен в своих заявлениях и насколько ему можно будет доверять в дальнейшем.

Не знаю, может быть, реальный Генрих Альберт не ограничился одним разговором, но это, во-первых, не так уж важно, во-вторых, не будем фантазировать.

* * *

Прошло не так уж много времени, как всё это было написано, когда познакомился я с двумя документами, в прах превратившими ту часть рассказа, которая относится ко времени после 1937-го года. Документ первый – это очередной список на расстрелы, подготовленный в НКВД и утверждённый Сталиным 22 ноября 37-го года. Там есть полное имя нашего героя – Альберт Андрей Константинович. Второй документ – это списки расстрелянных по Москве. В нём тоже чёрным по белому написано, что среди жертв имеется «Альберт Андрей Константинович, родился в 1896 году (опечатка, должно быть 1886 – **Р.Р.)** в АССР Немцев, Марксштадтский кантон, село Орловское, слушатель Высших академических курсов комсостава промышленности при Наркомате тяжёлой промышленности. Адрес: Телеграфный переулок, д. 11, кв. 25. Расстрелян 28.11.37. Место захоронения – Коммунарка».

Как реагировать на такую информацию? Первая мысль – вместо расстрелянного Альберта Риббентропу был подсунут двойник, и гитлеровский министр попался на эту удочку. И всё, что говорится о работе Альберта в Германии, относится к этому его двойнику – агенту НКВД. Вот кто сообщал Берии обо всём, что делалось в штабе Русской освободительной армии (РОА), которую в Германии сформировал генерал Власов. Можно, конечно, предположить, что это был настоящий Альберт, но в это не очень верится. Расстрельные списки были сверхсекретны, и вряд ли в них стали бы включать кого-то для того, чтобы ввести в заблуждение возможных шпионов в окружении Берии. Не могло быть и не было таких шпионов.

Остаётся надеяться, что когда-нибудь эта загадка будет разгадана.

Земляк

В одном из номеров газеты «Neues Leben» за 1994-ый год попалось мне на глаза напечатанное письмо некоего Виктора Шмидта, в котором он, по его словам, прочитав в газете публикацию нескольких писем российских немцев о их судьбах, решил рассказать и о себе. Письмо это меня заинтересовало, ибо не только предки его происходили из бальцерской округи, но и сам он когда-то жил в Бальцере.

Его дед, Андрей Андреевич Шмидт (тут же была и фотография, на которой грузный, прилично одетый мужчина – в сюртуке, с бабочкой и в котелке) был основателем какого-то крупного дела в Поволжье. Сыновья его: Иван, отец автора, и Пётр – после смерти отца основали фирму «Братья Шмидт» Автор пишет, что перед октябрьским переворотом хозяевами фирмы были его отец и три его племянника, сыновья умершего Петра: Владимир, Фёдор и Иван, причём половина капитала принадлежала его отцу.

Новая власть, естественно, национализировала все капиталы и недвижимость Шмидтов. Отец автора, Иван Андреевич, и один из племянников с семьями уехали в село Мессер (нынешняя Усть-Залиха Красноармейского района), откуда были родом их предки и где, кроме жилого дома, была у них небольшая ткацкая мастерская. Два других племянника, ещё не обременённые семьями, сумели сбежать в Германию и там обосноваться.

Вскоре до И. Шмидта дошли сведения, что его самого и его племянника Бальцерский уездный ревком решил арестовать и расстрелять. Они бежали. Племянник скрылся где-то в Поволжье, а сам И.Шмидт сумел добраться до Риги, где и остановился в надежде найти какую-нибудь возможность забрать к себе свою семью.

А семья в это время перебралась из Мессера в Бальцер. Это недалеко – 12 километров. Мать автора, русская по происхождению, когда-то закончила курсы

акушерок при медицинском факультете Саратовского университета и смогла устроиться в местную больницу медицинской сестрой. Какая-то связь с главой семьи, пусть не регулярная, у них всё-таки была (какая, автор письма не поясняет). Они знали, что у него всё складывалось плохо: денег не было, привычки к физическому труду – тоже, а добывать свой хлеб пришлось ему, работая грузчиком; квартиры тоже не было, лишь жалкий угол; плюс ко всему – обострились болезни: сердечная недостаточность и астма. Надежды на воссоединение семьи становилось всё меньше.

В 1926-ом году Виктор Шмидт окончил среднюю школу-девятилетку в Бальцере. В том же году мать с младшими детьми перебралась в Саратов, а старший её сын Борис, уже самостоятельный молодой человек, остался жить и работать в Бальцере. Этот переезд, по словам В.Шмидта, почему-то оборвал связь с отцом (конечно, виноват в этом не переезд, а ужесточение режима, до минимума урезавшего возможность переписки с заграницей). В Саратове мать, как и в Бальцере, стала работать медсестрой.

Сам автор только в тридцатилетнем возрасте, перед самой войной, сумел окончить Саратовский педагогический институт и получить диплом учителя немецкого языка. То ли по собственной воле, то ли по направлению института приехал он в город Свердловск. Но поработать здесь учителем практически не удалось: началась война. Он был мобилизован, но не в армию. Сначала это была работа в автоколонне на окраине Свердловска, где пока ещё не было ни охраны, ни колючей проволоки, хотя и находились они на казарменном положении.

Но в начале 1942-го года всех немцев с 16-ти до 60-ти лет мобилизовали в так называемую трудармию – поместили в лагеря, организованные при различных производствах, режим в которых полностью повторял режим лагерей для заключённых. Виктор Шмидт попал на лесоповал в посёлок Изумруд, что в семи километрах от города Асбеста, тоже напичканного лагерями. В 1944-ом году Шмидт тяжело заболел и был, как выражались, демобилизован, то есть комиссован по полной непригодности к физическому труду, вызванной перенапряжением, истощением и болезнью. Жить в Свердловске ему не разрешили, и он вынужден был уехать туда, куда приказали – в посёлок Юшалы Тюменской области. Был он принят на работу по специальности – учителем немецкого языка и проработал там 25 лет. В 1969-ом году он перебрался в Тюмень, откуда и прислал в редакцию своё письмо.

Написал он и о судьбе матери и братьев. Старший, Борис, перед войной жил в Казани, попал под выселение, а потом, уже как трудармеец, был возвращён под Казань – на строительство железной дороги Свияжск – Сызрань. Там он умер от дизентерии. Младший, работавший в Энгельсе бухгалтером, вместе с семьёй и матерью был отправлен на север Красноярского края на ловлю рыбы. Мать там умерла, а он после многих лет работы на севере смог добиться всего лишь права перебраться на юг края, в один из колхозов. Работал он там бухгалтером, там и умер в 64 года.

История Шмидтов в принципе типична для многих немцев – достаточно сказать, что на ту же ловлю рыбы только из нашей родни отправили две семьи: бабушку Софью Андреевну с мужем – в Дудинку, а семью расстрелянного Андрея Риделя – в Байкитский район Эвенкии. Моё внимание на ней остановила мысль о капризах судьбы: всё-таки где Бальцер, ставший родным городом и для него, и для меня, и где Асбест, в котором мы оба, пусть в разное время, оказались? Правда, его доставили сюда под конвоем, а я явился по собственной воле 25-ью годами позднее.

Только в 2007-ом году, когда вышел третий том энциклопедии «Немцы России», смог я найти в нём информацию о Шмидтах. Предметом их бизнеса было сарпиноткацкое производство, основанное в 1820-ом году братьями Шмидтами, открывшими раздаточную контору в Мессере. В конце 19-го века фирма Шмидтов по объёму производства сарпинки занимала второе место с годовым доходом в 100 тысяч рублей, уступая только Борелю (150 тысяч рублей в год).

В апреле 2009-го года я получил письмо от екатеринбуржца Василия Ласкина. Он в моей книге прочитал очерк о Шмидте и был, как он выразился, «потрясён». Ласкин рос в посёлке Юшалы (он сейчас – в составе Свердловской области), окончил там среднюю школу; немецкий язык в ней преподавал «прекрасный учитель Виктор Иванович Шмидт». «Не было предела моему удивлению, – пишет он, – что такой скромный человек, простой учитель, имел такую биографию, о которой ему приходилось молчать всю жизнь». Ласкин готовил книгу о посёлке Юшалы и известных людях его и обратился ко мне с просьбой дать разрешение использовать в ней мои сведения о Шмидте. Я сделал это с удовольствием.

Наталия Фогельман и...

В конце лета 1978-го года, оформив очередной отпуск, я полетел на Дальний Восток, в Приморский край. Так случилось в жизни, что там, в небольшом горняцком городе Дальнегорске (бывшем Тетюхе) оказались все мои ближайшие родственники: мать и три брата.

Насколько всё же в нашей жизни велика роль случая! Ничему другому нельзя приписать тот факт, что почти вся наша семья, дотоле проживавшая в Поволжье, где лежит прах шести поколений предков, вдруг оказалась в точке земли, от которой до родины дальше, чем до Америки. И злая воля правительства на этот раз была здесь не при чём.

В 1950-ом году Альфред, мой старший брат, после семилетки поступил в Саратовский геологоразведочный техникум, окончив который, взял направление на работу не куда-нибудь поближе к дому (а мог бы взять –

отличник), а аж на самый Дальний Восток. Как же – романтика, не раз воспетая в книгах и кинофильмах! Начав простым геологом, в 1958-ом году он стал уже начальником геологоразведочной партии, и тут уж, конечно, не могло быть в его голове и места мысли о возвращении в наши практически степные края, где о его профессии знали лишь понаслышке, больше всё из тех же книг и кинофильмов. А ещё через два года он, к тому времени заочно окончив институт во Владивостоке, стал начальником уже другой ГРП, что не в тайге, как первая, что-то ищет, а базируется в благоустроенном посёлке на богатом месторождении борной руды, основе деятельности Приморского горнохимического комбината. А ещё через несколько лет стал он главным геологом этого комбината, довольно быстро заимел обширные связи в геологических кругах страны, по два-три раза в год летал по делам в Москву, раз в год куда-нибудь – в Питер, в Тбилиси, в Красноярск и так далее – на какой-нибудь геологический симпозиум, попутно при этом защитил ещё и кандидатскую на свою, им же хорошо и на практике, и в научных статьях пропаханную тему – о боре. Жизнью своей он был определённо доволен и не раз говорил, что поменять свой Тетюхе-Дальнегорск согласился бы только на Питер или Москву.

В 1965-ом году, выйдя на пенсию, к нему уехала жившая в Красноармейске, бывшем немецком Бальцере, наша мать, а потом, через несколько лет, под крыло старшего брата подтянулись и двое младших. Один я из семьи обретался в других краях: после восьми с лишним лет жизни в Казахстане перебрался на Урал, под Свердловск.

В Приморье я тогда явился не просто так, а по поводу: 23–го сентября матери исполнялось 70 лет, и я прилетел её поздравлять. До торжеств было ещё несколько дней, основные дела по подготовке к ним были сделаны, и в субботу старший брат повёз меня на море – это километров за пятнадцать. Мы расположились рядом с небольшой группой: двое мужчин и немолодая женщина. Брат, оставив меня, сразу подошёл к ним, о чём-то минут десять они там говорили, потом он вернулся назад и повёл меня знакомиться. Мужчины, как я и предположил, были местными геологами, а женщина оказалась гостьей из Москвы, из НИИ геологии, и к тому же не просто женщиной, а доктором геолого-минералогических наук. Она назвалась Натальей Александровной, из вежливости задала мне несколько вопросов и вернулась к начатому с коллегами разговору. Про меня при этом разговоре тут же забыли. Мне стало с ними скучно, и я пошёл купаться. Местная публика купалась только в находящемся совсем рядом озере, я же пошел в море (кстати сказать, оно было довольно далеко от места нашего базирования). Оно и понятно: как же так – в кои-то веки побывать на Японском море и не искупаться в нём? Хватило меня в лучшем случае на одну минуту: вода показалась прямо-таки ледяной. Когда я возвратился назад, те трое уже собрались уезжать. Брат очень уважительно прощался с гостьей, писал ей в блокнот свои реквизиты и вообще явно демонстрировал её старшинство.

Когда они уехали, брат мне сказал, что фамилия столичной геологини Фогельман, что она очень крупный специалист по драгоценным металлам и что

коллеги из старательской артели «Восток» пригласили её помочь им разобраться в каких-то геоло-гических загадках.

- Она что – еврейка? – спросил я.

- Да нет. Я тоже поинтересовался этим – она немка и во время войны, как и все, была на высылке где-то в Казахстане.

Только немало лет спустя случилось мне узнать кое-какие подробности о той случайной знакомой, и некоторые из этих подробностей прямо-таки поразили своей неожиданностью.

Наталья Александровна Фогельман родилась в 1913-ом году в интеллигентной полунемецкой семье, поступила в Ленинградский горный институт (она была единственной девушкой на своём потоке) и с успехом окончила его. После института её распределили на работу в Центральный научно-исследовательский геологоразведочный институт в Москве и вскоре послали на Берёзовский золотой прииск – это рядом со Свердловском, бывшим и нынешним Екатеринбургом. Там пришлось провести не дни и даже не месяцы, а годы. Потом была война и был Казахстан, где ей всё же повезло: работать она продолжала по своей специальности.

В 1966-ом году в Москве, в своем родном НИИ, она защитила докторскую диссертацию на мудрёно звучащую тему, связанную с разведкой золота. Она уже тогда была одним из самых авторитетных в СССР специалистов по золоторудным месторож-дениям и успешно сочетала научное творчество с практической деятельностью. За свою жизнь она написала с десяток монографий и множество научных статей по главной теме своей профессиональной деятельности – золоту и другим драгоценным металлам. При этом, как насчитали её сыновья, за плечами матери было ни много ни мало – 50 полевых сезонов.

Говорят, что артисты, горные пастухи и геологи живут дольше других, и не только дольше живут, но и дольше других остаются при деле. Брат как-то рассказал, что во Владивостоке собралась у них большая компания продолжающих профессионально работать аксакалов-геологов. Они организовали свой СССР – Союз Самых Старых Работников, членом которого имел право стать только работающий геолог не моложе 70 лет. Выбран у них и свой президент, которому на момент избрания было уже 82 года, утверждены герб и гимн. Тех, кто бросил работу и ушёл на пенсию, они относят к СНГ – Союзу Ненужных Граждан. Кстати сказать, и брат мой, которому ныне 73, тоже член этого СССР и продолжает службу, к тому же вот уже скоро 40 лет на одной и той же должности главного геолога Акционерного общества «Бор», бывшего Приморского горно-химического комбината.

Наталия Александровна Фогельман имела бы полное право оказаться во главе этой компании – она тоже прожила долгую и непростую жизнь и не оставляла свою работу до глубокой старости.

Мужем её в 1938-ом году стал Александр Рудольфович Гангнус, тоже коллега-геолог. «Геолог и поэт», как сказал о нём один из его сыновей. Произошло это в Берёзовске, там же в конце июня следующего года родился и их первенец, названный по отцу (или по деду) Александром. Чаще всего супругов воедино спаивает только чувство, здесь же было сложнее: их объединяло не только чувство, но и единая профессия, одна национальность и общее горе: их отцы были арестованы, оба они получили сроки по пресловутой 58-ой статье.

Александр Рудольфович (я цитирую одного из его сыновей) «был хорошим гидрогеологом – нашёл множество подземных источников воды для рудников Казахстана, проводил ещё в 30-е годы изыскания створа будущей Братской ГЭС, предложил идею канала Иртыш-Караганда...» А вот что писал сын другой: «Александр Рудольфович был во всём красивым человеком – он был не только сам красив, но красиво читал стихи, красиво относился к женщинам, никогда не поступал некрасиво по отношению к друзьям. Его четверостишие, высеченное на надгробном камне:

Отстреливаясь от тоски,
Я убежать хотел куда-то,
Но звёзды слишком высоки,
И высока за звёзды плата –

гениально».

Сыновья его, по возрасту уже пережившие ныне покойного отца, так, судя по всему, до конца и не решили, чего же больше было в натуре их отца: геологии или поэзии?

Здесь самое время немного рассказать об отцах.

Отец Александра Рудольфовича – Иоганнес Рудольф (Рудольф Вильгельмович) Гангнус, уроженец Курляндии, то есть нынешней Латвии, был сыном состоятельного немца-ремесленника. В 1902-ом году в 19-летнем возрасте он поступил на физмат Московского университета, после окончания которого обосновался в Москве и стал учителем математики в гимназиях.

После октябрьского большевистского переворота он препода-вал в школах, на рабфаках, был проректором Латышского пединститута в Москве. Известность в педагогических кругах он приобрёл как разработчик оригинальной методики преподавания математики и автор учебников, которые выходили большими тиражами не только на русском языке, но и на немецком и даже на языке польском.

В марте 1938-го года Р.В. Гангнуса арестовали, осудили на 5 лет и отправили в Каргопольлаг на лесозаготовки. После освобождения ему был предписан 101-й километр, он поселился в городе Муроме Владимирской области, где и умер в 1949-ом году.

Отец Наталии Александровны Александр Александрович Фогельман (он родился в 1877-ом году), сын рязанского немца-землемера, окончил Петербургский технологический институт и в молодости, как большинство студентов России, увлекался социализмом и демократическими идеями и примыкал к тому крылу российской социал-демократии, которое потом окрестили меньшевистским.

Социалистические и демократические воззрения, как и любые другие воззрения, – это для инженера всего лишь идеологическая начинка жизни, делом же жизни Александра Фогельмана было другое: он стал одним из пионеров развития автомобильного транспорта в России – конструктором, преподавателем, к тому же ещё и автогонщиком. Верным своей профессии он остался и после октября 1917-го года. Но для новой власти главным в человеке были не его деловые качества, не его нравственный облик, а лишь его, как тогда любили говорить, «политическое лицо». Вот это-то «лицо» Фогельмана их и не устраивало. В самом начале 30-х годов в СССР начались гонения на бывших членов социалистических партий: социал-демократов (меньшевиков) и социалистов-революционеров левого крыла (с правым расправились ещё раньше). Прошла серия громких судебных процессов, при этом выносились нешуточные приговоры. Попал в эту карусель и Фогельман. Как «активный меньшевик, он судим в 1931-ом году Коллегией ОГПУ за участие в контрреволюционнной отраслевой вредительско-шпионской организации Краевого инженерного центра и Управления шоссейно-грунтовых дорог Дальневосточного края, с высылкой в город Астрахань сроком на 3 года» – это выдержка из обвинительного заключения, но уже по другому делу.

В Астрахани А.Фогельман устроился на работу в автомобильный техникум, где преподавал теорию и ремонт автомобиля. Там в феврале 1935-го года он опять был арестован как «непримиримый враг советской власти и рабочего класса», судим по статьям 58-10 и 58-11 и приговорён к 5 годам лагеря.

В лагере он покончил с собой.

Гены предков сделали своё дело: Александр-младший, сын Алексанра Рудольфовича Гангнуса и Наталии Александровны Фогельман, оказался не только многосторонне одарённым человеком, но и сумел свои способности проявить в жизни. Журналист, публицист, писатель, литературный критик – это ещё не полный перечень дел, в которых Александр Александрович Гангнус сумел проявить себя на самом серьёзном уровне. В начале 2000-х годов он взялся за редакторство в газете «Neues Leben» и очень благожелательно отнёсся к моим историко-биографическим очеркам о немцах Поволжья, которые я тогда один за другим отправлял в газету. И потом, когда я послал ему свои «Рассказы о русских немцах», он сказал о книге слова одобрения, очень лестные для автора-дилетанта.

Небольшое отвлечение. В 2007-ом году в телефонном разговоре я поинтересовался у А.А., удаётся ли ему что-нибудь напечатать, и если удаётся, то где и что.

— **А ничего и нигде**, – ответил он мне, – из официальных доходов имею только пенсию – неполных пять тысяч рублей. Ладно, сыновья нашли своё место в жизни, не дают ни голодать, ни особо унывать.

Только что перед этим случилось увидеть по телевизору, как Президент России вручал ордена «За заслуги перед Отечеством» певцу – тусовщику Буйнову и балаганному шуту Винокуру. Эти, выходит, гордость России, а Александр Гангнус ей не нужен. А ещё чуть позже, когда Михаилу Алексееву, моему земляку-волжанину исполнилось 80 лет, его не только ничем не наградили, но и поздравить не удосужились. И по телевидению ни слова доброго никто не сказал. Очень это горько и за страну свою обидно.

Но продолжим тему. Брак с Н.А. Фогельман у А.Р. Гангнуса был вторым. Первый распался, но там подрастал сын Евгений, родившийся в 1932-ом году. Когда началась война, его отправили к бабушке по матери в Иркутскую область, на станцию Зима. В конце войны в Москву возвратился уже не Евгений Гангнус, а Евгений Евтушенко. Ныне это имя знает каждый.

В своей книге «Волчий паспорт» Е. Евтушенко так объяснил причину перемены фамилии:

«Во время войны, как множество других советских детей, я, конечно же, ненавидел немцев, однако моя не совсем благозвучная фамилия «Гангнус» порождала не только шутки, но и немало недобрых подозрений – не немец ли я сам.

Эту фамилию я считал латышской, поскольку дедушка родился в Латвии. После того как учительница физкультуры на станции Зима посоветовала другим детям не дружить со мной, потому что я немец, моя бабушка Мария Иосифовна переменила мне отцовскую фамилию на материнскую, заодно изменив мне год рождения с 1932 на 1933, чтобы в сорок четвертом я мог вернуться из эвакуации в Москву без пропуска».

Там же Евтушенко рассказал ещё одну историю. В 1985-ом году в городе Эссене после поэтического выступления к нему подошел какой-то немец с рулоном плотной бумаги под мышкой и сказал :

— Разрешите представиться – преподаватель географии и латыни Дортмундской гимназии, ваш родственник Густав Гангнус.

Потом он раскатал свой рулон, на котором было изображено ветвистое генеалогическое древо рода Гангнусов, на нём имелась и ветвь российских Гангнусов. Самым дальним предком, от которого пошёл их отсчёт, оказался уроженец города Хагенау офицер Якоб Гангнус, участник 30-летней войны 1618 – 1648-го годов.

Густав Гангнус 20 лет своей жизни занимался генеалогией рода. По книге «Die Erde bebt» и по немецкому переводу поэмы «Мама и нейтронная бомба», которые продавались в книжных магазинах Германии, он узнал, что их авторы – тоже Гангнусы (первой – А.А.Гангнус, второй – Е.А.Евтушенко). В 2002-ом году

книга Г. Гангнуса вышла из печати в Дортмунде. В ней рассказано о сотнях ныне живущих и тысячах умерших Гангнусов. Одному из них, своему прадеду-стеклодуву, посвятил Е.А. Евтушенко следующие строки:

Хрустальный шар
прадедушки Вильгельма,
Шар стеклодува,
жившего богемно,
В Лифляндии,
недалеко от Риги,
Где пахли тмином
сладкие ковриги.
И я взлечу –
лишь мне бы не мешали –
Не на воздушном –
на хрустальном шаре,
Где выдуты внутри,
так сокровенны,
Как спутанные
водоросли,
гены...

Теперь, я думаю, несложно догадаться, который из сыновей А.Р. Гангнуса говорил о нём как об известном гидрогеологе, а который – как о гениальном поэте.

Надо сказать, что исторические изыскания по клану Гангнусов продолжаются, и есть уже заметные успехи: найден предок, от которого до начала новой эры много ближе, чем до сегодняшнего дня. Убедиться в этом может каждый желающий, достаточно зайти на семейную страницу в Интернете www.hanguest.narod.ru. С разрешения Александра Александровича Гангнуса я при написании этого очерка активно использовал почерпнутые на этом сайте сведения.

Пресняковы

Я уже писал ранее, что в немецком Поволжье браки между русскими и немцами не были частым явлением. Даже в Бальцере, городе с достаточно большой русской прослойкой, смешанных семей было немного.

Одна такая семья жила с нами по соседству, я дружил с ребятами из неё и видел кое-что из того, что там происходило.

Это была семья Пресняковых. К моменту нашего переселения в Бальцер в октябре 1941-го года в ней было уже шестеро детей, со временем добавилось ещё четверо – стало десять.

Отец их, Александр Фёдорович, дядя Саня, был русским, уроженцем села Мордовое, а мать, тётя Маруся, – бальцерской немкой. Жили они в этом доме давно, раньше принадлежал он отцу тёти Маруси – кузнецу Христиану Клингу. Его предок, Андреас Клинг, уроженец города Дюдельсхайма из гессенского графства Изенбург, прибыл в Россию в 1767-ом году и был среди основателей колонии Бальцер. Дядя Саня Пресняков в 17-летнем возрасте в 1927-ом году нанялся к Христиану Клингу молотобойцем и уже в следующем году женился на его дочери.

После смерти родителей тёти Маруси (они умерли в голод 1933-го года) Пресняковы стали в нём хозяевами. Двор их был типичным для бальцерской семьи среднего достатка: в принципе всё, как у других, но дом крыт железом, во дворе собственный колодец да плюс своя кузница. И ещё: чуть ли не единственным в городе, где ранее сады были на каждом подворье, их сад пережил войну и ещё долго оставался местной реликвией.

Старший их сын, Александр, родился в 1929-ом году, а младший, Анатолий, в 1953-ем. Сыновей звали Александр, Иван, Василий, Николай, Владимир, Анатолий, дочерей – Мария, Амалия, Эмилия и Анна.

Дядя Саня был худой, костистый носатый мужик, тётя Маруся – невысокого роста, довольно полная, подвижная, с круглым добрым лицом. Говорила она по-русски с сильным немецким акцентом (например, моё имя произносила, оглушая «б» и смягчая «к» – получалось Ропикь вместо Робик). Александр Фёдорович бойко говорил по-немецки на бальцерском диалекте, старшие ребята тоже свободно владели бытовым немецким. Во дворе у них постоянно звучала смешанная речь: с отцом и друг с другом дети говорили по-русски, с матерью – по-немецки, по-немецки же, как правило, общались меж собою родители.

Как и многие мужики-волжане, дядя Саня был насмешником и любителем розыгрышей. В конце зимы 1941-42 года, когда моего отчима уже взяли на фронт, что-то в доме у нас сломалось, и мать по-соседски попросила Александра Фёдоровича помочь ей. Мы с братом вышли из дома на крыльцо как раз в тот момент, когда А.Ф. был во дворе. По небу в это время летел самолёт.

— Самолёт видите? – спросил он, показывая в его сторону пальцем.

— Видим, – ответили мы.

— А видите: лётчик на крыле стоит и …?

Сколько мы ни пытались это увидеть, ничего не получилось.

Дети в семье Пресняковых выполняли всю домашнюю работу: ухаживали за скотиной, работали в саду и в огороде, заготавливали в лесу дрова, сено. Все ловко владели и лопатой, и вилами, и топором, и пилой, и косой. Тётя Маруся варила обеды и командовала всей этой оравой.

Александр Фёдорович умел делать всё: и кузнечил, и столярничал, и сапожничал, и валенки умел свалять, и швейную машину отремонтировать, и

даже часы. Но при этом любил он при случае и выпить, и повалять дурака. По этому поводу тётя Маруся устраивала ему громогласные выволочки, ругала его по-немецки, а он весело отругивался то по-немецки, то по-русски, причём не брезговал и крепким выражением. Годам к 45-ти он вдруг увлёкся голубями, построил голубятню; около него стали постоянно крутиться мальчишки-голубятники, и они активно общались, причём темой разговора были, конечно, голуби. «Старэ турак»! – шумела на него тётя Маруся, а он только посмеивался.

После окончания института мы с женой уехали в Казахстан на работу, наши наезды в Красноармейск были нечастыми и обычно кратковременными, так что если с кем-нибудь из Пресняковых и виделись, то скорее случайно, чем специально.

В последний раз с Иваном Пресняковым мы виделись в 1997-ом году.

Смерть Кизнера

В 1930-ом году главным провизором наркомата здравоохранения АССР НП был Константин Адамович Кизнер, фармацевт с дореволюционным опытом работы и бывший активный деятель Союза немцев-социалистов Поволжья. ОГПУ тогда многих из этого давно ликвидированного Союза арестовывало, так как он вдруг объявлен был контрреволюционной организацией. Арестовали и Кизнера – прямо на службе в Покровске. Двое оперативных работников, которым было поручено доставить его в Саратов, переправляясь на пароходике через Волгу, не демонстрировали своей роли и Кизнеру приказали не подавать никому вида. Однако он сумел дать какой-то знак оказавшемуся здесь своему знакомому, и тот всё понял. Он и сообщил семье об аресте.

Сын Кизнера, только что окончивший школу молодой человек, побывал в тюрьме и получил разрешение на передачу. Среди вещей, которые отец просил принести, значился и брючный ремень. Сын его принёс, и как-то так случилось, что то ли по недосмотру надсмотрщика, то ли по его неопытности, но ремень этот был передан отцу.

Когда члены семьи в очередной раз пришли на свидание, им было сказано, что Кизнер умер от сердечного приступа и что по установленному в СССР порядку тело выдаче семье не подлежит, а будет захоронено в безымянной могиле. При этом известии жена его свалилась с инфарктом. Несколько дней спустя студентам медицинского факультета Саратовского университета на занятиях по судебной медицине для демонстрации характерных признаков смерти от повешения было показано недавно поступившее тело самоубийцы. Находящийся среди студентов племянник Кизнера узнал дядю, узнал его и преподаватель, ведший занятие.

Когда об этом сообщили больной жене Кизнера, она тут же умерла. А когда сын пошёл в ОГПУ объясняться, ему сказали, что в смерти отца виноват он, а не кто другой, так как это он принёс ремень, на котором повесился отец, и что его вполне можно привлечь к суду за подстрекательство к самоубийству. Потом узнали от других арестованных, что Кизнера за протест против ареста отправили в карцер, и в карцере он покончил с собой.

Какая жуткая история.

Мир тесен

В архиве моей матери, из которого я немало почерпнул для своих очерков об истории нашей семьи (да и не только семьи), не было ни одной фотографии, где бы отец был снят в окружении своих сослуживцев или соратников. Ни из марксштадтского пери-ода его комсомольской деятельности, ни из последующих периодов его службы в милиции – в Бальцере, Энгельсе или в Казахстане. Но не быть вообще таковых не могло – других ведь было немало; к тому же известно, что в те годы было принято фотографироваться на память по случаю массовых сборов, в том числе и сборов служебного характера. Мать объяснила это так. Да, конечно, фотографии были, и было их немало. Когда в 1936-ом году отца арестовали в Алма-Ате, то дома, в Петропавловске, не сделали даже обыска. Видимо, решили так: коль скоро арестован он не по их (то есть казахстанской) инициативе, то и делать больше, чем запросило Саратовское УНКВД, нет нужды. Потом мать уехала в Поволжье и всё имущество увезла с собой. Какое-то время жила она в Энгельсе в семье свекрови, а когда отца осудили и отправили на Колыму, перебралась в Марксштадт. Вот тогда, когда уже и не ждали, пришли они с обыском. Искали не так уж долго и ушли, забрав с собой два отцовских охотничьих ружья, подаренный ему каким-то кавказцем кинжал и все групповые фотографии.

Через много лет четыре из этих фотографий мне удалось найти.

Обстоятельства обретения первой из них – яркая демонстрация мысли, поставленной в заголовок, – мир тесен. Хотя я об этом по разным поводам уже несколько раз писал, но с удовольствием повторюсь ещё раз. В сентябре 1959-го года после окончания института я был направлен на работу в Кустанайскую область. Получив в самом Кустанае, в автотресте, распределение в Комсомольское автотранспортное хозяйство, мы с женой стояли на автобусной остановке со своей небогатой поклажей в ожидании рейсового грузотакси, выполнявшего тогда роль автобуса. С нами от скуки заговорил какой-то немолодой дядька, начал расспрашивать, кто мы, откуда да зачем. Слово за слово, и я сказал ему, что хотя мы сами с Волги, но отец мой когда-то в этих краях работал. Он спросил его фамилию – я ответил. И тут мы услышали слова: «Я его знаю». Мы с женой, как ныне модно говорить, были в шоке. Не верилось. Но это оказалось правдой: когда

отец работал начальником милиции Актюбинской области, этот человек – звали его Павел Григорьевич Шандецкий – был тогда начальником Фёдоровской районной милиции. Мир тесен. Он позвал нас к себе домой ночевать и там документально подтвердил свои слова – показал незнакомую мне групповую фотографию, сделанную в начале 1934-го года в Актюбинске после какого-то большого совещания в Управлении милиции, на которой были и отец, и он, Шандецкий. Он дал мне её на время, и я сделал с неё копии.

Вторая фотография (комсомольская конференция в Марксштадте, 1924-ый год) в начале 1960-х годов была опубликована в газете «Neues Leben» одним из участников этой конференции. С той поры хранится дома вырезка из газеты.

Ещё две фотографии совершенно случайно обнаружил я в Красноармейском краеведческом музее. Приехав в 1992-ом году в город по делам далеко не развлекательным – на похороны родственника жены, – перед отъездом решили мы зайти в музей, несколько лет назад здесь открытый и в котором ещё не нашли времени побывать. Почти сразу же на глаза попалось фото 1927-го года, а потом ещё одно – 1928-го. Руководители музея сделали потом копии с обеих фотографий и прислали их мне на Урал. Моя мать сказала, что такие тоже были среди тех, что были конфискованных в 1937-ом году.

Все эти четыре фотографии я поместил в книге «Рассказы о русских немцах».

В Германии, в городе Франкентале, уже давно живёт моя кузина Нина Ридель. Я отправил ей один экземпляр своей книги. Полмесяца спустя мне позвонил её муж Вальдемар Гофман, с которым я знаком был только заочно, и сказал, что на бальцерской фотографии 1927-го года (на ней мой отец, два месяца назад назначенный начальником кантонной милиции, запечатлён со своими сослуживцами в день их профессионального праздника) один из этих сослуживцев – его отчим Иван Карлович Бруг. Мир тесен.

Недавно в поисках каких-то материалов взявшись просматривать подшивку газеты «Neues Leben» за 2000-й год, я наткнулся на групповой снимок, сделанный в редакции этой газеты за 35 лет до этой его публикации – в 1965-ом году. На нём вместе с сотруд-никами редакции сняты некоторые участники 1-ой делегации советских немцев – группы активистов немецкого национального движения в СССР, отправившихся в Москву к правителям страны с целью добиться полной реабилитации немцев и восстановления немецкой автономии.

Ещё живя в Казахстане, я при общении с некоторыми близко знакомыми мне немцами слышал об этой делегации, но это была скорее не информация, а отголоски слухов о ней. Главный упор в этих разговорах делался не на характер выдвигаемых требований (их-то по-настоящему не знал никто из моих собеседников), а на факте полного отказа тогдашних правителей Советского Союза Брежнева и Микояна в их удовлетворении. Смысл любого такого разговора сводился к одному: теперь тебе понятно, что у нас за правительство?! В целом же вся эта проблема и тогда прошла мимо моего сознания, и позже не

скоро заинтересовала. Виновата была, конечно, не проблема, виноват был я сам: и не любопытен был, и обрусел основательно.

И вот теперь, наткнувшись на фотографию и небольшой комментарий к ней Гуго Вормсбехера, я решил внимательнее вчитаться во все те немногие материалы, которые были у меня по делегациям немцев к правительству СССР. И не напрасно.

Но сначала о смысле. В подготовленном делегацией письме на имя Генерального секретаря Центрального Комитета Коммунистической Партии Советского Союза Леонида Ильича Брежнева и Председателя Президиума Верховного Совета СССР Анастаса Ивановича Микояна (я специально выписал их полные титулы – молодое поколение их уже не знает) был изложен ряд требований, которые по значимости можно условно разделить на две группы. Первая группа – это вопросы, в отрицательном ответе на которые и сами посыльные, и большинство лиц, причастных к идее обращения к правительству, были заранее уверены. Вторая группа – это вопросы, по которым вполне можно было ожидать от власти хотя бы частично положительной реакции. В первой груп-пе, по большому счёту, был один вопрос – восстановление немецкой автономии на Волге. Вторая группа была тематически шире: здесь речь шла об отмене всех тех законода-тельных актов, по которым немцы Советского Союза были превращены в народ-изгой: указа Президиума Верховного совета СССР от 28 августа 1941 года (о переселении немцев в Казахстан и Сибирь), указа от 28 ноября 1948 года (о том, что выселение немцев осуществлено навечно, что за самовольный выезд вводится уголовное наказание в виде 20 лет каторжных работ) и указа от 13 декабря 1955 года (о том, что немцы не имеют права возвращаться в места, откуда их выселили, что снятие с немцев ограничений по спецпоселению не влечёт за собой возвращения имущества, конфискованного при выселении, и некоторое другое).

12-го января 1965-го года делегацию принял Микоян. Как и следовало ожидать, ни о каком восстановлении автономии правительство говорить не желало, да и по вопросам второй группы точных ответов ходатаи не дождались, были лишь уклончивые формулировки типа «признать возможным в принципе», «начать разработку мероприятий» и т.д.

1-я делегация ничего конкретного не добилась, но она однозначно дала власти понять, что в стране есть такая животрепещущая проблема и что в этой же стране есть люди, которые готовы смело бороться за права своего униженного народа. Это не пустые слова: уже через полгода в Москву отправилась вторая делегация. Конечно, силы были далеко не равными, и успех делегациям могло принести только чудо, а чудес, как известно, не бывает. Но это уже другая тема.

Мы же вернёмся к составу 1-й делегации. В списке запечатлённых на фото членов делегации – 13 фамилий (из 15-ти, двое отсутствовали). Здесь оказалось немало для меня не только интересного, но и неожиданного.

Первое имя, на котором сразу остановилось внимание – Иван Карлович Бруг. «Беспартийный пенсионер из Фрунзе», как охарактеризовал его Вормсбехер. Достаточно было лишь всмотреться в лицо на снимке, чтобы убедиться: да, это тот же самый человек, что и на бальцерском фото 1927-го года. Мир тесен.

Второе имя – «рабочий из Свердловской области, член партии с 1932-го года» Николай Дельва. Давно знакомая мне фамилия. Не сам человек, а именно фамилия. В «Рассказах о русских немцах» есть очерк «Operationen und Opfern», а в нём – история брата моей матери Фридриха Риделя, во время гражданской войны служившего комиссаром 1-го Екатериненштадтского коммунистического полка. Помещена в книге и фотография, на которой запечатлены разного ранга командиры этого самого полка. Среди них можно увидеть и командира одного из батальонов Алоиса Дельву – на фотографии он стоит во втором ряду третьим справа. Он вскоре погиб, и у него осталась вдова с детьми Николаем и Александром. Сомневаться в том, что на фото 1965-го года именно тот самый Николай Дельва, сын комбата Алоиза Дельвы, не приходится: на фотографиях отец и сын – на одно лицо. Мир тесен.

Третье имя – Доминик Хольман (Hollmann). Для образованной части немцев Поволжья он был личностью, широко известной ещё с довоенного времени как писатель и даже член Союза писателей СССР, публицист и журналист, автор учебников и преподаватель Немпединститута. На высылку он попал в Красноярский край, в трудармии был на лесоповале, после освобождения от неё работал бухгалтером в колхозе. Вместе с некоторыми поволжско-немецкими интеллектуалами, оказавшимися в Сибири: Виктором Кляйном, Вальдемаром Эккертом, Андреасом Заксом и другими – сразу после отмены комендатуры он стал говорить об опасности для народа утраты своего этнического лица, о необходимости что-то делать для сохранения самобытности советских немцев, их обычаев, языка и культуры даже в тех ужасных условиях, в которых они оказались. Одним из первых, с 1957-го года, он пытался публично выступать против бесправного положения советских немцев, писал гневные письма в «Правду» и «Известия», отправил смелое письмо в ЦК КПСС и правительство. Во всех этих его обращениях, а лучше сказать – воплях, звучало одно главное требование: положите конец преследованиям моего народа, дайте жить по-человечески! Безрезультатно. Но это его не останавливало. После неудачи 1-ой делегации он стал одним из организаторов второй, более представительной делегации – в ней было уже 43 человека. (Как известно, безрезультатной оказалась и она).

Его родина – город Камышин. Надо отметить, что в начале XX века в этом русском городе с населением в 16 тысяч человек проживало около 2500 немцев: мукомолы, пекари, механики, ткачи и ремесленники разных профессий. Правда, особо удивляться этому не приходится: почти все правобережные немецкие колонии входили тогда в состав Камышинского уезда Саратовской губернии, и немудрено, что кто-то из числа предприимчивых колонистов при этом оказался в уездном центре. Надо сказать, что Камышин, расположенный на Волге всего в ста

километрах ниже города моего детства Красноармейска (бывшего Бальцера), несмотря на принадлежность его другой области, всегда воспринимался как город-сосед, а уроженцы его – как земляки. Таково и моё отношение к Доминику Хольману.

Полным сил и надежд молодым человеком покинул Хольман родной город и вернулся в него через 60 лет, растративший всю свою былую энергию и во всём разочарованный. Здесь он обосновался, здесь написал свои последние рассказы, последние стихи и последние эссе и статьи, и здесь в 1990-ом году он встретил свой смертный час, будучи уже 91-летним стариком. Он умер, но в памяти тех, кто знал его и кто с ним общался, он остался патриархом российско-немецкой литературы, «Солженицыным русских немцев».

Живущая ныне в Германии дочь Доминика Хольмана Ида Бендер, которой достался весь отцовский архив, подготовила к печати там, в Германии, три тома неопубликованных произведений отца, и эти три тома один за другим были напечатаны в Камышине, родном городе писателя.

Четвёртое имя – Райнхард Кёльн. Это ещё один уроженец Правобережья, из села Гольштейн (Верхняя Кулалинка, ныне в Камышинском районе). Он родился в 1900-ом году, восторженно встретил революцию, стал красным командиром (окончил Сара-товскую пехотную школу). Демобилизовавшись из армии, он начал работать в детских периодических изданиях немецкого Поволжья и одновременно стал писать репортажи, юморески, фельетоны. Потом он учился в Москве, но при этом продолжал сотрудничать в немецких газетах. В 1937-ом году он был арестован, отправлен на Колыму, там каким-то чудом остался жив и освободился только через 18 лет, в 1955-ом году. Он написал автобиографическую повесть «Durch die Schule des Lebens». Читая её, я и заподозрить не мог, что за спиной автора были 18 колымских лет, настолько всё в ней привычно политизировано. В 1965-ом году, по словам Вормсбехера, была у него совершенно седая голова, и ходил он, постоянно держа руки за спиной.

Пятое известное мне имя – Мария Фогель. Родилась она в 1910-ом году в правобережном селе Бэр (ныне Каменка Красноармейского района), но задолго до войны оказалась в Энгельсе. Как школьная комсомольская активистка стала сотрудником обкома комсомола, ответственной за работу пионерии, там же в Энгельсе окончила педагогический институт и там же вышла замуж. Её мужем стал молодой политический эмигрант из Германии Гарри Шнитке. Получивший университетское образование, в Энгельсе он устроился на работу журналистом в газету «Nachrichten», и вскоре вместе с ним эту профессию взялась осваивать и его жена. После выхода указа от 28 августа выяснилось, что семья Шнитке имеет право остаться на месте, но для этого самому Шнитке пришлось вспомнить о своем еврейском происхождении. Все родственники Марии Фогель, кроме матери, были увезены в Сибирь, она осталась в Энгельсе. Газета по понятным причинам была закрыта, и она перешла на работу в школу учителем немецкого языка. Муж Марии Фогель, имевший бронь, в 1943-ем году, от этой брони отказался и добровольцем ушёл на фронт. После разгрома Германии Гарри Шнитке служил в

Австрии, в советской оккупационной администрации, куда в 1946-ом году выехала к нему вся семья. Через три года, после возвращения из Австрии, – Москва, где Мария Фогель становится сотрудником газеты «Neues Leben» (к слову сказать, в 1965-ом году в составе редакции, кроме неё, был ещё только один немец – Курт Видмайер). У Марии Фогель и Гарри Шнитке родилось два сына, которых назвали Альфред и Виктор. Первого представлять не надо – его знает весь культурный мир, Виктор же стал журналистом, к тому же – поэтом и писателем. Мария Фогель умерла в Москве в 1972-ом году.

Виктор Шнитке родился в Энгельсе в 1937-ом году, я тоже родился в том же городе и в том же году, только несколькими месяцами раньше. В своём рассказе «Eine Kindheit in Engels» Виктор упоминает факт, что его рождение принимал известный в Энгельсе акушер, немолодой уже доктор Абрам Кассиль, отец советского детского писателя Льва Кассиля. Могу отметить, что моё рождение тоже принимал доктор Абрам Кассиль. В том же рассказе Шнитке о его детстве постоянно упоминается его энгельсский приятель Виталька Давыдов. С этим Виталькой в пятидесятых годах мы учились в параллельных группах в Саратовском автодорожном институте и не раз встречались и потом – и в Ульяновске, где он работал и куда приезжал я, и в Свердловске, куда приезжал он. Мир тесен.

Понимание того, как всё-таки этот мир тесен, многократно усилил Интернет. Вдруг оказывается, что не только ты один являешься носителем знаний чисто семейного характера, например, о трагических судьбах твоего отца или твоих дядьёв, но об этом, пусть одной-двумя строчками в общем списке, проинформирован весь свет, и теперь об этом может узнать любой, у кого возникнет интерес. Или кто наткнётся на информацию случайно. Совершенно случайно, например, напал я на фотографию членов второй немецкой делегации 1965-го года, и не только на фотографию, но и на полный список делегации. Я увидел там имена, уже знакомые по первой делегации: И.Бруг, К.Борнеман, Г.Вормсбехер, Я.Ольферт, М.Фогель, Г.Кайзер, И.Варкентин, И.Кроневальд, Д.Хольман, Р.Кёльн. И вдруг совершенно неожиданное здесь имя – Александр Иванович Дотц. Тот самый Дотц, под руководством которого в Екатериненштадте, уже ставшем Марксштадтом, в 1919-ом году 15-летним подростком начал службу мой отец; тот самый Дотц, который, стоя во главе ЧК, прославился своим безжалостным отношением к крестьянам при хлебных реквизициях; тот самый Дотц, который просто случайно не был расстрелян властью, а только, снятый с высоких постов, вместе со всеми соотечественниками отправился на высылку и в трудармию; тот самый Дотц, который после всего как-то умудрился возвратиться в Москву и вот теперь примазался к делегации. Оказалась тут и Анна Пауль-Хорст, бывший директор Немецкого педагогического института, муж которой Христиан Хорст, первый секретарь Немобкома партии в начале тридцатых годов, покровительствовал моему отцу, молодому начальнику республиканской милиции. Она тоже после лагеря и ссылки снова стала москвичкой и примкнула к делегации у самого порога приёмной Микояна. (Когда в 1930-ом году начались

гонения против преподавателей Немпединститута и были арестованы Г.Дингес, В.Сынопалов, П.Рау, П.Зиннер, она, назначенная директором института, писала в газете «Nachrichten»: «Сынопаловщина сделала Немпединститут плацдармом узкой корпорации реакционных буржуазных “учёных”». Комментарии излишни.)

Да, мир всё-таки тесен.